

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41

В. В. Дементьев, Н. Б. Степанова
Саратов, Россия

V. V. Dementyev, N. B. Stepanova
Saratov, Russia

КОРПУСНАЯ ГЕНРИСТИКА: ПРОБЛЕМА КЛЮЧЕВЫХ ФРАЗ

CORPUS GENRISTICS: A PROBLEM OF KEY PHRASES

Аннотация. В статье обсуждаются теоретические и практические проблемы, связанные с изучением речевых жанров на основе корпусных баз данных и в целом при помощи методов корпусной лингвистики.

На первый план выходит проблема «ключевых фраз», или текстовых маркеров РЖ, по которым можно осуществлять поиск в корпусах. По мнению авторов, ключевая фраза речевого жанра представляет собой его существенную характеристику, которая присутствует в речевом жанре носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания в качестве дополнительного параметра.

Формулируются главные требования, предъявляемые к ключевой фразе: 1) ключевая фраза должна максимально соответствовать семантике жанра; 2) в системе по этому критерию можно реально искать и находить большое количество примеров.

Предлагается начальная классификация ключевых фраз речевых жанров, которые противопоставляются 1) по природе самих речевых жанров различных типов (особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных жанров); 2) по техническим возможностям корпусов; 3) по задачам конкретного жанроведческого исследования (требуется ли идентифицировать жанры речи в речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров).

Представлены результаты начального исследования ключевых фраз речевых жанров в идиоматических словарях, интернет-коммуникации, анекдотах.

Ключевые слова: изучение речевых жанров, корпусная лингвистика, ключевые фразы речевых жанров.

Abstract. The article discusses the theoretical and practical problems related to the study of speech genres on the basis of the material of databases, and generally using the methods of corpus linguistics.

In the foreground there is the problem of “key phrases”, or text markers of speech genres, which can be searched in the case. According to the authors, the key phrase of speech genre is its essential characteristic, which is present in speech genre competence of a native speaker and should be included in the relevant speech genre description as an additional parameter.

The main requirements for key phrases are formulated: 1) a key phrase must have the main semantics of the genre; 2) according to this criterion, you can actually search for and find many examples in the corpus database system.

An initial classification of the key phrases of speech genres has been proposed, that are differentiated by 1) the nature of speech genres of various types (particularly meaningful is the juxtaposition of standardized and free, direct and indirect genres); 2) the technical capabilities of buildings; 3) specific tasks of a speech genre study (whether to identify the genre of speech in the speech flow, or to carry out one or other quantitative analysis of the text within the already identified speech genres).

In the article, are presented the results of the initial study of key phrases of speech genres in idiomatic dictionaries, online communication, anecdotes.

Key words: studying speech genres, corpus linguistics, key phrases of speech genres.

Сведения об авторах: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Степанова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru; stepanova.natalya.85@yandex.ru

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Stepanova Natalia Borisovna, PhD, Associate Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Введение

В последнее время в рамках общей теории речевых жанров появилась необходи-

мость изучения речевых жанров на основе корпусных баз данных и в целом при помощи методов корпусной лингвистики.

С одной стороны, богатство, разнообразие и несомненная эффективность корпусных методов для решения различных лингвистических задач [1–17] убеждают в том, что и при лингвистическом изучении речевых жанров такие методы должны быть задействованы.

С другой стороны, разработанной корпусной методике для решения речевых проблем лингвистики пока нет, и в целом не ясны ни роль, какую должны сыграть корпусные методы в общем изучении РЖ, ни – главное – отношение тех единиц, которые используются / доступны оперативному анализу в корпусах, к жанрам речи.

Наш опыт работы с жанрами речи, включая изучение их при помощи корпусов, позволяет выделить некоторую структурную основу такой методологии. Вначале мы хотим обсудить, как выглядит реальное пересечение теории речевых жанров и корпусной лингвистики, далее – высказать несколько предложений методологического характера.

В целом с появлением корпусной лингвистики как будто бы сбылась давняя мечта жанроведа: анализировать РЖ количественно, – ибо, в общем, для решения этой задачи не доставало именно того, что и дают сегодня корпуса: главное, появляется надежда получить достаточно материала для всестороннего освещения каждого жанра со всеми значимыми вариациями – а до сих пор практически все «полевые» исследователи соглашались, что на уровне РЖ это невозможно (например [18]).

В исследованиях речевых жанров: в диссертациях, монографиях, статьях, посвященных различным аспектам и проблемам теории речевых жанров (см., например, диссертации: [19 ; 20]), – совсем не редко используются те или иные возможности корпусной лингвистики, при этом, как представляется, цели и способы обращения к данным возможностям могут быть сведены к нескольким основным типам (к сожалению, среди них лишь небольшое количество отличаются настоящей оригинальностью).

Так, при изучении речевых жанров корпуса и формируемые в их форматах пользовательские подкорпуса могут выступать как база/фонд материала исследования. Используя хранимые и размеченные в корпусах тексты различных жанров, можно изучать соответствующие РЖ (*рассказ, роман, очерк, интервью, фельетон* и мн. др.). Например, в **художественном** подкорпусе НКРЯ выделяются «жанры текста»: *нежан-*

ровая проза, детектив, боевик, детская, историческая проза, приключения, фантастика, любовная история, юмор и сатира, документальная проза, драматургия, перевод (о некоторых принципах жанрового членения корпуса письменных текстов XIX века НКРЯ см.: [21]). Исследователи, изучающие на корпусном материале **религиозный** дискурс (например, [22]), опираются на жанровое членение, осуществленное составителями корпуса (для НКРЯ – «церковно-богословские жанры»: *беседа, житие, катехизис, молитва, отечник, описание, паломничества, послание, поучение, проповедь, Священное писание, слово*), что, конечно, удобно, однако само по себе данное членение не является результатом корпусного анализа речевых жанров. Следует отметить, что этот методологически небезупречный, но соблазнительный в силу своей «уже данности» жанрового членения текстов прием нередко используется при количественном анализе жанров в других типах дискурсов, за пределами собственно корпусов. Например, количественное исследование жанров **внешнеполитического** дискурса [23] исходит из жанрового членения данного дискурса (*выступления, ответы на вопросы СМИ, интервью, комментарии, remarks* ‘выступления’, *press availability* ‘пресс-конференции’, *interview* ‘интервью’, *press statements* ‘заявления для прессы’) на том основании, что соответствующие рубрики выделены на сайтах МИД РФ (www.mid.ru) и Госдепартамента США (www.state.gov).

Кроме того, используя этот же материал, хранящийся в корпусах, можно изучать «**жанрово-ролевые сценки**», т. е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и мн. др.) [24].

Как видим, названные направления изучения РЖ весьма разнообразны, и вряд ли правомерно и целесообразно говорить, что во всех «используются методы корпусной лингвистики». В этом отношении само по себе обращение к корпусам в качестве источника материала малопоказательно. Так, например, статьи, диссертации, дипломы, в которых во введении имеет место формулировка «*на материале НКРЯ*» (а это, без преувеличения, сотни работ), при ближайшем рассмотрении оказываются чрезвычайно разнородны – как чрезвычайно разнородны тексты, хранимые в НКРЯ: как известно,

это и тексты XX века, и XIX (отчасти и XVIII), и тексты СМИ, и разговорной речи, и диалектной речи...

С нашей точки зрения, о методах корпусной лингвистики как таковых можно говорить только в тех случаях, когда лингвистические задачи решаются количественно и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем, при этом на первый план выходит проблема «ключевых фраз».

1. Поиск ключевых фраз речевых жанров как теоретическая и практическая проблема теории речевых жанров и корпусной лингвистики

Важность этой проблемы, вынесенной в название статьи, несомненна. О значимости ключевых фраз для ТРЖ писали некоторые исследователи еще до появления корпусов [25 ; 26 : 18].

Действительно, при работе с корпусами проблема таких ключевых фраз, или текстовых маркеров РЖ, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусах, становится не просто важной, но критической, а главное – исследователю приходится решать данную проблему фактически с нуля, ибо раньше поиском ключевых фраз для конкретных РЖ жанроведы фактически не занимались. В результате, конечно, в анализ будет привнесена доля субъективизма, что в известной степени обесценивает достоинства корпусного подхода.

Приведем пример.

Допустим, предполагается исследование РЖ *роман* на основе текстового корпуса / корпусов. Возможные направления анализа, кажется, ясны: в базах данных различных корпусов хранится (доступно количественному анализу и, как правило, подвергнуто различным типам разметки) большое количество разнообразных романов, исследователь может достаточно легко осуществить целый ряд количественных исследований – например, сравнить несколько романов по ряду показателей, начиная с частотности словоупотребления, формоупотребления и т.д. и заканчивая выявлением авторских и жанровых (*идеологический роман, психологический роман, философский роман*) особенностей стиля.

Задача оказывается гораздо сложнее, если предполагается исследование устных жанров, например *светской беседы* или *разговора по душам*.

Сложности начинаются, собственно, с того, что следует искать в корпусах: понятно,

что лексемы и идиомы, наиболее (и почти единственно по-настоящему) доступные обнаружению, выделению и исчислению в корпусах (такие как «*светская беседа*», «*разговор по душам*», а также «*светский*», «*душа*») в этой роли не годятся: они могут вообще не встретиться в даже весьма длинных текстах (записях) соответствующих жанров.

В нашем исследовании [27 : 315–324, 365–379 ; 28 : 93–100] было показано, как лексемы-названия трех РЖ (*светский, гламурный* и *по душам*) позволяют найти в корпусах довольно обширную рефлексии (в нашем случае – современных российских журналистов) о данных жанрах, анализ которой позволяет уточнить некоторые аспекты в них.

Но речезанровое исследование, претендующее на адекватность, не может ограничиваться изучением рефлексии над РЖ. Если речь идет о доброкачественном анализе с использованием корпусных методов, на первый план выходит поиск не ключевых лексем, а некоторых ключевых коммуникативно-речевых единиц для конкретных жанров, по которым можно осуществлять формальный поиск и подсчет.

(Собственно, лексема «*роман*» тоже не годится для данной цели, если анализировать некие неизвестные и жанрово немаркированные тексты, еще не размеченные в корпусах. Но, конечно, практически все существующие *романы*, как и другие художественные произведения, уже жанрово маркированы (прежде всего авторами, но нередко и критиками, которым, как известно, иногда «виднее») до размещения в корпусах, и задача жанровой идентификации просто не стоит – стоят совершенно другие задачи «уточнения и прояснения», более традиционные для корпусной лингвистики.)

Как идентифицировать, анализировать и систематизировать («что искать?») *светскую беседу*, пока совершенно неясно. Эта трудность, которую еще только предстоит преодолеть, вполне понятна и даже очевидна на практике. Как это обычно бывает, решение практической задачи сильно облегчается осмыслением изучаемого феномена в теоретическом плане – и здесь несомненно, что у обсуждаемых ключевых фраз РЖ есть общее с речевыми стереотипами, формулами, клише, коллокациями и т.д., иногда фиксируемыми в фразеологических, идиоматических и т.п. словарях (см. параграф 3), но они далеко не сводятся к ним.

Сложность теоретического характера усиливается тем, что сама постановка данной

задачи в жанроведении предполагает определенное противоречие: исследователю предстоит искать конкретные, «материальные» языковые или речевые единицы, которые присущи скорее прецедентным феноменам, чем речевым жанрам, как известно, представляющим собой не сами фразы / тексты, а только их формы [29 : 192]; так осуществляется и распознавание жанров в речи [26 : 18 ; 30 : 5]. В сущности, это не что иное, как попытка соединить **типологический** подход (чистые структуры, свобода от «материальных» единиц и их конкретных форм-содержания), присущий, как уже неоднократно отмечалось, изучению речевых жанров в целом [25 ; 31 ; 32], и в большей степени **субстанциональный** подход, присущий, например, сравнительно-историческому языкознанию (как известно, в истории лингвистической науки, в частности лингвистической типологии, таких попыток соединения было немало, положительных результатов же – мало: типологическое изучение отдельных языков и даже отдельных грамматических категорий в них, стадийная типология и т.п.; при этом большинством современников они воспринимались обычно как лишь факультативные «отклонения» (см.: [33 : 92])). В этой связи следует подчеркнуть, что, хотя изначально в ТРЖ и не предполагался поиск и систематизация подобных «конкретно-материальных» единиц, в современной активно развивающейся ТРЖ уже появились некоторые новые направления, реализующие эту «нетипологическую типологию»: например, изучение жанра как исторического феномена [34], противопоставление первичных и вторичных жанров религиозного дискурса на основе тематического ряда [35] и т.п. Кроме того, в теоретическом плане «жанровая типология» и «текстовая субстанциональность» осмысляются как два разных **интертекстуальных** аспекта РЖ, а именно: противопоставляются жанровые связи на уровне структур, реализуемые во *вторичных речевых жанрах*, и прецедентные связи на уровне самой речи/текста, реализуемые во *вторичных текстах* [36].

Этим объективным сложностям корпусной генристики как будто бы противоречит тот факт, что существует целый ряд жанров, вопросы идентификации которых и «до корпусов» решались относительно просто, и проблем с поиском материала не возникало (это не значит, конечно, что тут совсем не нужны или бесполезны окажутся корпусные методы): это жанры, идентификация которых осуществляется **по простой языковой**

(грамматической) форме: императива (*просьба*), перформатива (*приказ*), инфинитива (*команда*) или, в случае *комплимента* (или, наоборот, *инвективы*), использования характеризующей конструкции с местоименным именованием адресата речи в функции подлежащего и составным именным сказуемым с предикатной (положительно- или отрицательно-оценочной) лексемой в именной части («*Ты – Х*»).

Здесь же следует отнести так наз. **этикетные РЖ**, осуществление которых часто равно произнесению соответствующих формул речевого этикета: *приветствие* («*Здравствуйте!*»), *благодарность* («*Спасибо!*») и т.п.

(Здесь следует вспомнить интересное, хотя и небесспорное предложение А.Д. и Е.Я. Шмелевых распознавать жанр *рассказывания анекдота* по ряду формальных признаков: метатекстовый ввод; изобразительные / иконические элементы вербальной и невербальной коммуникации; зачинный глагол в форме наст.врем., несов.вида [26 : 29–30].)

Такие случаи нами не рассматриваются, поскольку, собственно говоря, нет нерешенной проблемы корпусной лингвистики (хотя, например, в случае жанра *комплимента* могут быть различные ключевые фразы типа: «*Любуюсь тобой*», жанра *похвалы* – «*Горжусь тобой*», жанра *просьбы* – «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*» (по форме и функции иногда тоже близкие к этикетным формулам)).

Гораздо больше в данном случае нас интересуют содержательно и/или формально **сложные** жанры (предполагающие варьирование, иногда косвенные), которые – задолго до появления корпусов – обычно и вызывали больше всего сложностей при анализе; до сих пор методика их описания и систематизации далеко не достаточно разработана. Исследователи (см.: [37–39]) обычно исходили из того, что попытки выявить четкие формальные показатели данных жанров (как и для других подобных «нежестких» жанров), а также сформулировать принципы безэквивалентной семантики данных явлений (например, в терминах универсальных семантических метаязыков) бесперспективны. Понятно, что «охватить» содержание (и форму) данных жанров через одну или несколько случайно найденных ключевых фраз несколько не менее сложно.

Следует отметить, что в реальной речи таких жанров не просто много – их большин-

ство: содержательно сложных, многомерных, не предполагающих единственно верной интерпретации (причем ее может не быть не только у адресата, но и у адресанта высказывания), что характерно для широко распространенной в реальной речи непланируемой непрямой коммуникации [40].

Существуют ли вообще у таких жанров ключевые фразы (в нашем понимании: фиксируемые и пригодные для количественного анализа в корпусах)? И если да, могут ли они быть исчислены и систематизированы, а тем самым – представлены как особая формальная характеристика данных содержательно сложных жанров в описании?

Мы полагаем, что ответ должен быть положительным, а проблема поиска ключевых фраз для идентификации речевых жанров непланируемой непрямой коммуникации (конечно, не только для них) далеко не сводится к методологической проблеме грамотного пользования корпусами. Данная проблема регулярно ставится и решается на практическом уровне за пределами корпусов (и, так сказать, корпусной генерики) при работе с жанрами: как специалистами-жанроведами, имеющими дело с реальным речевым материалом, так и неспециалистами – носителями языка в «живой жизни»; до теоретического же осмысления данной проблемы (которое, как уже было сказано, могло бы сильно помочь практике) дело, как правило, не доходило.

Так, например, очевидно сходство ключевых фраз РЖ с тем, что ищут (и, так сказать, «за что судят») в лингвистической экспертизе: эксперты-жанроведы (например, [41]) неоднократно указывали на то, что ТРЖ должна разработать модель опознавания РЖ (инвективных) по формальным признакам, которые только и можно учитывать в экспертизе. Увы, современной ТРЖ до этого еще далеко.

Иллюстрацией второго «неспециального» подхода могут послужить списки «**фраз для начала разговора во флирте**» (такие рекомендации размещают на страницах изданий разной степени «несерьезности», им посвящают специальные издания, сайты такой направленности множатся в Интернете) наподобие следующих:

Ср.: **Топ 10 флирт фраз**

1. – *Привет, как мы давно с тобой не виделись! – говорите вы прекрасной девушке.*

– *Мы с вами знакомы? – отвечает она.*

– *Да, я тебя знаю, ты «моя мечта!» (Как же девушка может отказаться от такого изумительного имени?)*

2. *Мне так жалко всех этих людей, ведь твоя красота делает их серой массой.*

3. *Здравствуйте, девушка! Скажите, пожалуйста, как вы себя чувствуете, ведь вы – самая красивая девушка в этом городе?*

5. *Догоните понравившуюся вам девушку, по ходу купив цветок, и нежно скажите:*

– *Извините, что преподношу вам только один цветок, но я исправлюсь. В нашу следующую встречу, я подарю букет ваших любимых цветов.*

6. *Девушка, помогите мне! У меня в кармане две путевки на Бали. Я хочу предложить вам совместную поездку, ведь вы так прекрасны.*

7. *Простите, у меня был трудный день, но вдруг я увидел подарок судьбы – ваше лицо. Можно ли полюбоваться вами? (Срабатывает всегда).*

8. *Вы взяли меня в плен своей красотой, и я был бы очень счастлив отбывать пожизненное наказание в плену Вашего сердца.*

9. *Вызовите, пожалуйста, мне скорую помощь. Меня только что подстрелил Амур.*

10. *Вы красивы, как звезда! И освещаете собой серые улицы.*

(<http://www.best-woman.ru/tehnika-flirta-flirt-flirtum-pravilno-top-10-flirt-fraz/>)

или:

Фразы для знакомства с девушкой

Давайте поиграем в весы! Вы сядете мне на колени, а я угадаю ваш вес.

Давайте поиграем в интересную игру. Я вам скажу свое имя, вы мне свое, а потом мы, взявшись за ручки, пойдем есть что-то вкусенькое в ближайшей кафешке.

Фраза для знакомства на ваш риск:

Давайте поспорим с вами на 100\$, что я вас сейчас приглашу переночевать, а вы откажетесь?

Девушка, вы очень красивы, а красивых девушек надо размножать.

Добрый день, у меня к вам совершенно нетрадиционный вопрос. Меня интересует, что бы вы сказали молодому человеку, который подошел бы к вам и сказал: “Давайте познакомимся”?

Если вы думаете, что я собираюсь с вами познакомиться, то вы ошибаетесь — я просто хочу пригласить вас на свидание!

Девушка, здесь так жарко, или это вы такая горячая?

Незамысловатая фраза для знакомства, но часто действует:

Здесь местность заминирована. Пойдемте, покажу обходной путь!

И каково же чувствовать себя самой прекрасной девушкой в этом городе?

Извините, я вам нравлюсь?.. Не отвечайте, меня (имя) зовут. А вас как зовут? Давайте я вам позвоню как-нибудь. У вас есть телефон?

К сожалению, сейчас у меня нет времени растопить ваш холодный взгляд, но я могу позвонить вам вечером.

Эту фразу для знакомства говорить максимально искренне!

Девушка, знаете, мне в жизни не хватает двух вещей – кофе и вас.

Мне цыганка нагадала, что сегодня я встречу красавицу в (цвет одежды девушки). вам это описание никого не напоминает?

Девушка, не подскажите, немцы в городе есть? А русские?

Неужели у такой красивой девушки, как вы, сегодня нет кавалера?

Ничего, что я к тебе с таким умным видом?

Послушайте... Я бы мог придумать какой-то предлог для знакомства, но не хочу морочить вам голову. Мы можем обойтись без формальностей?

Простите, девушка, а вы не подскажите мне... ваше имя и номер телефона.

Разрешите предложить вам руку и сердце. Я хирург, у меня этого добра навалом.

Девушка, с вами можно познакомиться или хотя бы пять минут поприставать?

Можно застать врасплох фразой для знакомства:

Девушка, а с вами сложно познакомиться?

Девушка, скажите мне что-нибудь сладкое!

Скажите, это не у вас из сумочки так вкусно пирожками пахнет?

(http://smsta.ru/txt/dating_3)

Понятно, что фразы эти близки к обсуждаемому нами феномену ключевых фраз речевых жанров. Понятно также, что осмысление данных списков фраз (как и сравнение разных списков) могло бы быть полезно для осмысления речежанровых особенностей *флирта* – см., например, обзор работ в [42]. Но такое осмысление – дело будущего. (Дополнительная трудность состоит в том, что успешность данных фраз на практике определяется, вероятно, не только и не столько их распространенностью, частотностью, соответствием каким-то нормам, сколько оригинальностью, а значит, скорее, наоборот, редкостью.)

2. Классификация ключевых фраз речевых жанров

Сложная лингвистическая и коммуникативная природа феномена столь высокого уровня, как РЖ, не может не породить очень большого количества и очень большого многообразия как отдельных характеристик жанров (это положение давно стало общепризнанным в жанроведении), так и их маркеров, к которым относятся обсуждаемые здесь ключевые фразы.

Рассмотрим данное многообразие и его возможные границы – возможные повторяющиеся типы, а значит, классификацию. В основе разных типов ключевых фраз лежат разные пути выявления таких фраз, требования, предъявляемые к ним: данные требования проистекают, **во-первых**, из природы самих речевых жанров различных типов –

здесь особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных (интерпретативно сложных) жанров. Данное основание обуславливает особые технические характеристики ключевых фраз, выделяемых в корпусах: следует ли осуществлять поиск неизменной при любых обстоятельствах фразы (типа упомянутой идиомы *по душам*) или поиск может / должен быть более гибким и включать варианты, формы слов и фраз (типа *гламур/гламурный* + полные падежные парадигмы данных имен существительного и прилагательного), вплоть до переменных лексем. Но, как это обычно бывает, допущение варьирования формы в итоге приводит к допущению содержательного варьирования.

Во-вторых, данные требования проистекают из технических возможностей корпусов, **в-третьих** – из задач конкретного жанроведческого исследования: требуется ли, прежде всего, идентифицировать жанры речи в тексте / речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров.

Данные три типа требований, очевидно, порождают три типа ключевых фраз. Однако даже начальный анализ показывает, что данные типы имеют самый общий характер, внутри всех возможно очень большое количество конкретных вполне пригодных для того или иного жанроведческого анализа критериев, соответственно – типов ключевых фраз.

Особенно велико разнообразие последнего типа (два первых, в общем, сводятся к противопоставлению, исходит ли исследователь из особенностей жанра и его природы или из особенностей корпуса): цели и задачи конкретного жанроведческого исследования, начиная с уже названного противопоставления задачи начальной идентификации жанра и «всего остального».

Особенно велико разнообразие этого самого «всего остального»: в рамках уже идентифицированных жанров может быть выделено множество различных дополнительных аспектов, обладающих свойством исчислимости, список которых (особенно у упоминавшихся сложных и косвенных жанров) кажется поистине безграничным, причем, кажется, каждый из таких аспектов способен дать при обращении к корпусам какую-то ценную информацию речежанрового характера.

Например, для жанра *романа*:

- количество / процент лексем «X» (исчислению может быть подвергнут текст всего романа и отдельных его частей; текст романа может быть сопоставлен с другими текстами этого же автора разных периодов и текстами других авторов и т.д.; все это касается и следующих аспектов);
- морфологических форм «Y» (в т.ч. – частей речи);
- синтаксических конструкций того или иного типа «Z»;
- стилистически маркированных лексем или идиом и т.д. (см. [43 ; 10 ; 16]).

Много в этом плане, как и следовало ожидать, может дать относительно хорошо разработанный в прикладной лингвистике **контент-анализ** [44–50]. В частности, в контент-анализе традиционно много внимания уделялось «единицам счета», которые могут совпадать со смысловыми единицами или носить специфический характер (на основе анализируемого материала и целей исследования исследователями выдвигались такие единицы счета, как физическая протяженность текстов, площадь текста, заполненная смысловыми единицами, число строк (абзацев, знаков, колонок текста), длительность трансляции по радио или ТВ, метраж плёнки при аудио- и видеозаписях, количество рисунков с определённым содержанием, сюжетом и т.д.). Несомненно значим для жанров речи (ср. понятие «темы жанра» М. М. Бахтина) «качественный контент-анализ»: исследователя интересует не столько ЧТО говорится, сколько КАК говорится.

В качестве «единиц счета» могут выступать ключевые фразы речевых жанров, есть возможность и выявить разную роль разных ключевых фраз в разных вариантах и разновидностях одного жанра, однако установить, какие ключевые фразы соответствуют конкретным речевым жанрам, выявить список ключевых фраз контент-анализ, видимо, не помогает (насколько нам известно, исследователи, пользующиеся контент-анализом и разрабатывающие его, вообще практически не занимались специально речевыми проблемами (определение жанра или жанровой разновидности, поиск жанра в массиве текстов).

Таким образом, на основе корпусов может быть осуществлено множество доброкачественных лингвистических (подчеркнем: именно лингвистических!) исследований.

Труднее ответить на вопрос, в какой степени эти возможные исследования будут собственно речевыми. Подобные критерии в самых разных вариантах неоднократно использовались при решении неречевых задач (безусловно, мы не собираемся отрицать, что во многих случаях они обогащали речевую теорию и наше совокупное знание о данном жанре или системе жанров). В то же время ни постановку

задач, ни их результаты еще не пытались осмыслить в единой речевых теоретической плоскости. Осуществленные исследования и их результаты представляются, с точки зрения данной теории (тем более – с точки зрения будущей «корпусной генетики»), во многом разрозненными и бессистемными. Кроме того, данный подход исходит из аксиоматичного признания данности нам жанра, что во многих случаях небесспорно.

Поэтому предлагаем вернуться к критериям идентификации жанров речи в тексте / речевом потоке: собственно, их осмысление и есть то **новое**, чем мы надеемся обогатить генетическую теорию и методику.

Для начала охарактеризуем их в соответствии с обсуждавшимися выше наиболее общими путями выделения ключевых фраз РЖ: исходит ли исследователь из особенностей жанра и его природы или из особенностей корпуса. (На самом деле, конечно, и первое, и второе могут быть выявлены только в результате исследований, в том числе на основе корпусов.)

С этой точки зрения, во-первых, ключевая фраза должна отвечать **семантике** (точнее – **главной семантике**) жанра (поэтому, например, *светский* для СБ не годится, а *по душам* для РпД годится); во-вторых, в системе по этому критерию можно реально искать и находить **большое количество примеров** (так, для жанра *просьбы* в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом первая дает 306 вхождений в НКРЯ, а вторая – всего 10).

Задачи такого рода еще далеко не решены (они пока, в большинстве случаев, еще даже не ставились), а многочисленные сложности, связанные с их решением, еще только предстоит преодолеть, – мы здесь обрисовали лишь предварительный список таких сложностей; понятно, что в действительности их намного больше.

В случае же успешного решения поставленных задач мы получим **существенную характеристику жанра**, которая присутствует в речевых компетенциях носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой что-то вроде дополнительного параметра к разнообразным моделям РЖ типа известной «анкеты РЖ» Т. В. Шмелевой [25].

(Возвращаясь же к общему определению речеведческого подхода как типологического, обсуждаемая характеристика – наличие той или иной ключевой фразы / фраз речевого жанра – сродни известной типологической идее Владимира Скалички [51]: для изучения отдельного языка использовать типологические характеристики, разработанные и традиционно используемые (поскольку они типологические) принципиально НЕ для отдельных языков.)

Характеристики жанра такого рода (например, в будущих «энциклопедиях речевых жанров», о которых говорит Т. В. Шмелева), добавляемые к характеристикам, сформулированным в результате других, более традиционных жанроведческих исследований, могли бы выглядеть примерно так (Табл. 1):

Таблица 1

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (какой)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (какой)
X	A ₁	B ₁	n ₁	C ₁	N ₁
	A ₂	B ₂	n ₂	C ₂	N ₂
	...	B ₃	n ₃	C ₃	N ₃
	n...	...	N...

Например, для РЖ *просьба* (Табл. 2):

Таблица 2

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
просьба	<i>прошу</i>	<i>Не могли бы вы</i>	306	<i>Буду очень благодарен</i>	32
	<i>пожалуйста</i>	<i>Можно вас попросить</i>	10	<i>Для меня это очень важно</i>	15
	<i>будьте добры</i>				

Заявленное нами направление поиска, естественно, пересекается с традиционной для лингвистики теоретической и практической проблемой (для многих устных, еще больше – письменных жанров уже неоднократно ставившейся и решавшейся) конкретного **лексического и грамматического наполнения** текстов в рамках тех или иных жанров. Здесь, с одной стороны, открывается особенно обширное поле деятельности для исследователя-лингвиста, с другой – обширное поле возможностей для классификации (гораздо более, так сказать, лингвистической, чем многие традиционные речеведческие классификации).

Например:

- *вы не могли бы...?* – вежливая просьба,
- *я не могу жить без тебя!* – признание,
- *все будет хорошо* – утешение,
- *ты как всегда начинаешь... / хочешь... / забыл...* – упрек,

- *слушай я вот подумал...* – сентенция (?),
- *посмотрим, до чего ты так дойдешь / дождешься / договоришься* – ворчание,
- *я ведь тебя предупреждал(а)...!* – (?).

Большое место, вполне логично, здесь будет принадлежать **императивам** (при этом семантическое разнообразие и разнотипность данных формул и стоящих за ними типичных ситуаций очевидны уже из этих небольших предварительных списков): *смотри, представь (себе), подумай (о...), ответь, подожди, ступай, перестань, отстань, заткнись, успокойся, расслабься, согласись, поклянись, одумайся*, при этом показательно большое количество с «не» среди них: *не сердись, не переживай, не расстраивайся, не торопись, не ври, не хами, не перебивай, не спорь, не хвастайся, не спи, не вредничай*.

Одно из наиболее естественных оснований для классификации ключевых фраз речевых жанров – **сферы коммуникации**.

Данное основание классификации вполне очевидно; главная же и тоже очевидная трудность связана с тем противоречием, что большинство найденных нами ключевых фраз, как видим, относятся к разговорной устной сфере, которая хуже всего представлена в корпусах.

При работе же с письменными текстами (и жанрами) сама необходимость поиска ключевых фраз представляется на порядок менее критичной, поскольку гораздо лучше разработана (хотя и такая необходимость есть).

Так, в докторской диссертации С. П. Кушнерука [52], посвященной лингвистическому изучению документного текста, рассчитывается целый ряд коэффици-

циентов – близость их к характеристикам высокоформализованных речевых жанров (официально-деловых, технических и подоб.), которые могут быть выявлены количественными методами, в том числе с помощью корпусов, очевидна, особенно (4) и (7):

1) коэффициенты лексического разнообразия и единичной встречаемости для документных и недокументных текстов [Там же : 119],

2) отношение числа единиц, характеризующих рост словаря документных текстов, к размеру документного текста [Там же : 127–129],

3) коэффициент терминированности текста [Там же : 137],

4) доля разных единиц (словосочетание, предложение, абзац, текст) в качестве документных формул [Там же : 157–158],

5) распределительные параметры терминопотреблений для терминов различной компонентной сложности [Там же : 181],

6) доля существительных в документных текстах (соотносимая с их уровнем предметности), глаголов (соотносимая с их степенью процессуальности), прилагательных (признаковость) [Там же : 187–188],

7) степень синтаксической устойчивости и однородности документных текстов с точки зрения реализуемости в них основных видов предложений [Там же : 196–197],

8) степень унифицированности документных текстов на лексико-фразеологическом уровне [Там же : 207].

В итоге наше внимание с неизбежностью сосредоточивается 1) на **художественных**, прежде всего драматических текстах, наиболее подробно воспроизводящих разговорную речь, но тем самым – и искусственных, стилизованных (воспроизведение ими разговорности весьма специфично); 2) на текстах **электронной коммуникации**, в отличие от художественных, реальных, а не искусственных, но совершенно очевидно имеющих свою очень существенную специфику (в сравнении и с устной, и с письменной интернет-коммуникацией) (им посвящен параграф 4). Следовательно, необходимы поиски и специфических методик – но это скорее плюс, ибо ставит перспективы.

3. Ключевые фразы речевых жанров в идиоматических словарях

Теоретический аспект данной проблемы был намечен в параграфе 1. Более детально обсуждать данный аспект мы пока не готовы.

Практический же аспект гораздо более очевиден: в качестве ключевых фраз РЖ при работе с корпусами могут быть использованы многие выделяемые и описываемые в специализированных словарях-тезаурусах идиомы, паремии, фразеологизмы (например, в [53]), экспрессивные средства речи

[54], формулы речевого этикета [55], а также «антиэтикета» [56] и т.д.

В этой связи хотим вспомнить нашу старую статью [57], в которой высказывалась идея (к сожалению, впоследствии не реализованная) составить словарь экспрессивных речевых формул исходя из разных типов РЖ (а именно: пяти фатических РЖ, противопоставляемых на основе качества межличностных отношений: ухудшение межличностных отношений; улучшение межличностных отношений; сохранение межличностных отношений (фатика типа *small talk*) и степени косвенности). Обращалось внимание, например, на достаточно четкое противопоставление в речи «фатических фразеологизмов», организующих прямое и косвенное улучшение межличностных отношений (примеры – *Дорогой...!* и *Эй, дифтёнки!* (обращение в начале флирта)).

Может быть осуществлено целое множество доброкачественных речежанровых исследований на материале корпусов с помощью только материала перечисленных и подобных словарей: используя в качестве ключевых фраз РЖ выделенные в данных словарях формулы. Несомненно, одно это уже даст нам очень много (хотя на практике, насколько нам известно, дальше студенческих дипломов такие попытки не шли), хотя для комплексного представления РЖ, претендующего на адекватность (даже на уровне ключевых фраз), этого недостаточно: изучение (идентификацию и последующий анализ) РЖ необходимо осуществлять на основе многих других ключевых фраз, выявленных на основе специальных речежанровых критериев, которых в данных словарях не могло быть.

Так, несомненно заслуживает внимания, причем во многих отношениях (с интересующей нас точки зрения), «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [53], но пока рассмотрим только одну рубрику: «**речевые формулы**» (она есть в большинстве словарных статей). Даже начальный анализ показывает, что данные речевые формулы во многом пересекаются с нашими ключевыми фразами, могут служить маркерами различных РЖ (конечно, не только их, но и, например, различных типов коммуникативной тональности и т.п.) в корпусах.

Например, речевые формулы в разделе 18. Истинное – ложное (подраздел 18.1.2.3. Ложь, вербальный обман, введение в заблуждение): *ври, да не завирайся, не надо ля-ля*, в разделе 40. Ответственность, причастность, вовлеченность (подраздел 40.1. Снятие ответственности, непричастность):

дело хозяйское, мое дело маленькое, мое дело сторона, в разделе 43. Нравственность – безнравственность; мораль, совесть (подраздел 43.2. Безнравственность, бессовестность, подлость): *стыд и срам* и т.д.

Особенно, конечно, интересен для нас раздел 24, который авторы называют «**Речевые акты**»: см. одни только названия подразделов здесь: 24.1. благодарность, 24.2. Пожелание; напутствие; благословение; 24.3. Согласие₂ – несогласие (подпод-

Для сравнения отметим, что фразы, которые тоже можно считать ключевыми для РЖ *угроза*, но которые не включены в данный словарь, имеют следующее количество вхождений: *вот я тебя* – 215, *если ты еще раз* – 31, *если ты хоть раз* – 15, *я тебе это припомню* – 9, *не дай бог ты* – 7.

4. Ключевые фразы речевых жанров в интернет-коммуникации (ключевые фразы интернет-жанров)

Таблица 3

Жанр	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
отказ	<i>боже упаси</i> <i>избави бог</i>	330 137	<i>дураков нет</i>	38
			<i>извини-подвинься</i>	19
			<i>гуляй, Вася</i>	9
			<i>а морда не треснет?</i>	0

Таблица 4

Жанр	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
угроза	?		<i>будешь знать, как</i>	42
			<i>жить надоело?</i>	41
			<i>пасть порву</i>	11
			<i>уши оборву</i>	9
			<i>башку оторву</i>	7
			<i>не доводи до греха</i>	7
			<i>если хоть один волос упадет</i>	4
<i>отделаю так, что</i>	0			

[53 : 55–59].

разделы: 24.3.1. Согласие₂, подтверждение, договоренность, 24.3.1.1. Разрешение, 24.3.2. Несогласие, возражение, указание на неуместность реплики, 24.3.2.1. Отказ, запрет), 24.4. Просьба, предложение, 24.5. Обещание (подподразделы: 24.5.1. Клятва), 24.6. Приветствие, приглашение, представление, встреча; обращение, 24.7. Прощание, 24.8. Проклятие, 24.9. Угроза, предостережение, 24.10. Оберег, опасение, 24.11. Резюме, 24.12. Заполнители пауз. Количество речевых формул, выделяемых составителями словаря для данных групп, весьма велико (особенно много – больше 100 – в подподразделах 24.3.2 и 24.3.2.1), и абсолютное большинство, думается, может быть доброкачественным материалом в качестве ключевых фраз при обнаружении и анализе соответствующих речевых жанров / речевых актов в корпусах.

Например, характеристика жанров *отказ* и *угроза* на основе ключевых фраз, отобранных из «речевых формул» Словаря-тезауруса А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, в энциклопедии речевых жанров могла бы выглядеть примерно следующим образом (Табл. 3 и 4):

Создававшаяся изначально для корпусов методика может быть успешно использована не только применительно к собственно корпусам: такой же, в сущности, корпусно-поисковой системой является... весь Интернет, в частности онлайн-форумы, тексты в которых хотя и не охватываются корпусами, но доступны количественному анализу и обработке.

Так, представляется, что для русского *разговора по душам* на онлайн-форумах ключевой фразой (вероятно, не единственной) является вопрос: «**Что же на душе так хреново / погано / паршиво?**». (У нее есть вопросительные и невопросительные варианты: *Что-то на душе хреново; На душе очень хреново – что делать?*).

По форме фраза «*Что же на душе так хреново?*» – вопрос, но вопрос риторический, не предполагающий прямого ответа типа «*у тебя на душе хреново, потому что...*». Семантика этого «вопроса» включает жалобу, призыв к сочувствию и предполагает скорее не вполне прямой ответ типа «*что случилось?*», «*а почему?*». Но в наибольшей степени это (уже совсем не выраженное семантикой структурных элементов вопроса) **при-**

глашение к общению с близким по духу или настроению человеком¹.

Форма вопроса «*Что же на душе так хреново?*» также подразумевает, что его автор сам не знает причины (ср. частотность слова *тоска* в ответах), отсюда большое разнообразие возможных реакций. С этой точки зрения «более рациональный» вопрос *На душе хреново – что делать?* как будто бы значительно отличается от первой формы: прямо запрашивается совет, а о причине речь вообще не идет. Но это только формальное отличие, прагматическая семантика в обоих случаях совпадает: это перечисленные жалоба, призыв к сочувствию и приглашение к доверительному *задушевному* общению, причина же (она может быть известна и иногда называется) равно несущественна. Показательно, что фактически не отличаются реакции на инициальные реплики обоих типов.

По этим ключевым фразам *Что же на душе так хреново?* *Что же на душе так поганно?* и *Что же на душе так паршиво?* нами и был осуществлен поиск и статистический анализ ситуаций онлайн-общения в жанре *разговора по душам* (поисковая система Яндекс). Было получено более 50000 ссылок, из которых мы наугад отобрали 365 ответов (7910 словоупотреблений) на 7 тематических форумах «На душе хреново» и «Что делать, когда на душе хреново?»²:

¹ В английском языке нет ничего подобного такой фразе ни по лексическому составу, ни по выражаемому коммуникативным смыслом, ни – тем более – по ожидаемой реакции. Реплики с семантикой жалобы, призыва к сочувствию возможны (хотя и значительно менее распространены, чем в русском): ближайшие аналоги (*Oh, God! I am feeling down; Something's getting me down; I'm in the dumps*) по форме и семантике представляют собой констатацию состояния депрессии, плохого настроения, наиболее распространенной реакцией на которые (при условии гармоничного общения) будет *Sorry* или ободрение типа *You'll be fine* (есть вероятность также совета проконсультироваться у психолога). Естественно, после таких реакций возможность доверительного общения невелика.

² http://www.pasetoz.ru/Pochemu_na_dushe_tak.htm;
<http://milkandpoison.beon.ru/14813-351-что-делат-kogda-na-dushe-hrenovo.shtml>; <http://lady/162-519-mne-ochen-hrenovo-na-dushe-ne-zna-read.shtml>;
<http://otvet.mail.ru/question/3178001/>;
<http://www.lovepicture.ru/lovepage/1726.html>;
<http://skradyvat.ru/1-bcdfggi.jsp>;
http://piroforum.info/fludiliwe/kogda_na_dushe_hrenovo/.

Реплики участников форума (среди них были и мужчины, и женщины) – ответы на поставленный «аскером» вопрос – тематически разделились на несколько неравных групп. Характерно, что ответов на прямо поставленный вопрос (*у тебя на душе хреново, потому что...*) почти не было, за редким исключением (*Да потому что люди жестокие...; Потому что помидоры красные*). Единичны наводящие вопросы (*что случилось?, а почему?*) и прямые выражения сочувствия (*бедняжка!*). Три наибольшие по частотности группы могут быть охарактеризованы как кооперативные (доброжелательно-участливые), агрессивные и нейтральные.

Первую группу (от 30 до 40 % от общего объема) составили высказывания, где авторы пытаются подбодрить «аскера»), используя стереотипные выражения (*ничего, пройдет, все образуется, все будет хорошо*), дают практический совет (*посмотри хороший фильм, послушай музыку, съешь чего-нибудь вкусенького, выпей, поделись с близкими людьми*), приводят примеры из жизни или литературы/кино (как что-то помогло / не помогло справиться с плохим настроением), рассказывают веселые истории, анекдоты.

Вторую группу (около 10 %), противоположную первой, составили высказывания выраженной конфликтной или провоцирующей тональности, где авторы отводят тему – раздраженно (*ладно, не ной; кончай мозги...!*), насмешливо или с издевкой, часто это провокации сексуального характера (*Зделай кунилингус! :-); снимать штаны и бегать*).

Наконец, третью, наиболее разнообразную и трудно определимую группу (от 40 до 50 %) составили нейтральные по степени кооперативности / конфликтности высказывания, где авторы отвечают симметрично (*а у меня не лучше!*), отшучиваются (*ляг, поспи, и все пройдет!*), отводят тему, но не агрессивно, в отличие от второй группы (*да брось!, забей!*), либо рассказывают истории из личного опыта, делают обобщения о «жизни вообще», определяют непосредственную коммуникативную цель которых (подбодрить или, наоборот, обидеть) сложно, например:

Почему жизнь складывается так, а не иначе? Почему, когда хочется плакать, мы смеемся? Как будто хотим показать, что мы сильнее, что мы справимся... Однако там внутри что-то треснуло, сломалось, больно ранив... И не хочется ничего, а только свернуться в калачик, замереть и не двигаться...но... за

окнами жизнь, там свет...который, стремится проникнуть везде и туда, где темно, чтобы все осветить...этот свет со временем проникнет в тебя и будет пытаться осветить ту пустоту, что внутри, будет цепляться, пытаясь задержаться и не погаснуть... и может быть у него получится...и может быть будет жизнь...но другая... прежнего не вернуть, но все же ...жить...

Причины депрессии иногда называются, иногда нет: видно, что это далеко не главное:

у меня на душе тоже щас хреново... я разговаривала с человеком нормально, а он нахамил... обидно, это очень близкий для меня человек((((((((

Показательны реакции «аскера» на советы и рассуждения участников форума, откликнувшихся на его вопрос: *читаю я вас и на душе как то хорошо уже становится*)) – как видим, имелось в виду именно общение, причем фатическое.

Представляет интерес частотность отдельных лексем в ответах: наибольшую частотность (с большим отрывом) имеют лексемы *душа / душевный* (63 раза) и *хреново* (61 раз) (впрочем, возможно, наибольшая частотность именно данных лексем отчасти объясняется тем, что они содержались в форме вопроса «аскера»), а также: *жизнь / жить* (34 раза), *вообще* (23), *говорить / поговорить / разговор* (20), *грустный / грустить* (10), *депрессия / депрессивный / депрессняк* (10), *погано* (10), *друг* (9), *настроение* (8), *плохо* (7), *сердце* (5), *тоска* (5). (Подробнее см. в [58].)

5. Ключевые фразы речевых жанров в зеркале юмора и языковой игры

По ключевой фразе опознается речевой жанр; ошибки в опознании могут становиться мишенью комического обыгрывания. Это очень давнее явление – начиная, по видимому, еще с сатиры Грибоедова: в одном из самых ярких монологов Чацкого («А судьи кто? – За древностию лет...») Скалозуб услышал выражение «*Мундир! один мундир! он в прежнем их быту / Когда-то укрывал, расшитый и красивый...*» и (упустив весь смысл, содержащийся в монологе, – обличение) «простоудушно» принял его за «сигнал» разговора об армии и военной форме: «*Мне нравится, при этой смете / Искусно как коснулись вы / Предубеждения Москвы / К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; / Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!*».

Яркий материал представляет пока не очень многочисленная, но уже заметная на

специальных «анекдотных» и т.п. интернет-сайтах группа **анекдотов**, основной механизм комизма в которых можно определить как **обыгрывание коммуникативной тональности** [59 ; 60].

По своей структуре обсуждаемые анекдоты представляют собой диалог, а именно: включают инициальную реплику, в которой однозначно или почти однозначно опознается коммуникативная тональность, а из дальнейшего текста (в абсолютном большинстве случаев – ответной реплики) становится ясно, что такая интерпретация инициальной реплики была неправильной.

Приведем несколько примеров¹:

– *Мам! Она кусается!*

– *А я тебе говорила – не женись...*

– *Боже, а кто это у нас тут вырос? Какой ты большой стал, как время быстро летит.*

– *Сашенька, перестань разговаривать с таблом обмена валют.*

– *Ну что, шкуру свою спасти прибежал?*

– *Прибежал, господин дерматолог...*

– *Девушка, тут свободно? Можно, я рядом сяду?*

– *Мужчина, а ничего, что это женский туалет?!*

– *Руки вверх!*

– *Я сам знаю, как снимать майку.*

Важным отличительным признаком обсуждаемой группы анекдотов, обыгрывающих коммуникативную тональность, мы считаем то, что они принципиально письменные: роль «изобразительного начала» (которое в устных анекдотах играет «зачин» типа «Приходит муж домой...», форму которого, для устного речевого жанра «*рассказывания анекдота*», пытались выявить уже упоминавшиеся А. Д. и Е. Я. Шмелевы [26]), здесь играет само оформление текста как диалога. Конечно, письменная форма не позволяет передавать интонацию – один из главных признаков тональности в устной речи, но она позволяет достаточно компактно передать в инициальной реплике множество других маркеров различных типичных коммуникативных ситуаций, официальных и неофициальных сфер, межличностных отношений, жанров, стилей, оттенков коммуникативных смыслов – в письменной форме, зрительно они воспринимаются практически мгновенно.

Чаще всего обыгрывается стилистический контраст между интерпретацией иници-

¹ Примеры взяты с сайта: <http://www.anekdot.ru/>.

альной реплики (она интерпретируется как относящаяся к определенной сфере) и правильной интерпретацией, которая обычно предполагает совсем иную сферу. Наиболее очевиден данный контраст в особой (довольно многочисленной) подгруппе анекдотов – о **плохих профессионалах**.

В анекдоте обсуждаемого типа из второй реплики становится понятно, что отображаемая коммуникация представляет институциональную ситуацию обращения к «агенту» (чаще всего это профессионал, реже – просто наемный работник в сфере сервиса, торговли, здравоохранения, образования, производственных отношений и т.д.) в виде просьбы о помощи или законного требования оказания услуги, таким образом выясняется, что инициальная реплика была репликой агента. Это и становится источником комического эффекта, поскольку сама по себе инициальная реплика абсолютно не напоминает поведения агента.

Вторая реплика – «клиента», которая и заставляет правильно интерпретировать всю ситуацию, чаще всего содержит отвод «агента» (но не всегда) и отрицательную (реже – веселую, заинтересованную, хотя и не положительную) оценку его как профессионала.

В анекдотах «действуют» агенты: профессионалы ~ и просто статусные лица, например чиновники (не профессионалы); профессионалы – официальные лица, находящиеся в данный момент «при исполнении», ~ и «просто люди», имеющие такую манеру речи (она у них вошла в привычку); те профессионалы, у кого речь сама по себе является орудием производства, ~ и те, у кого характер профессиональной деятельности не связан с речью; наконец, противопоставляются, так сказать, профессионалы, приносящие людям пользу, ~ и вред (профессионально обманывающие людей) (здесь особенно выделяются государственные чиновники, что делает данные анекдоты по сути политическими, – но не только они).

Приведем несколько примеров:

– Чё ты такой грустный? Х#\$ сосал невкусный?
– Честно говоря, детский психолог вы так себе.

– Свобода воров, х#\$ мусорам!
– Честно сказать, адвокат вы так себе.

– И вообще, всё это было давно и неправда!
– Извините, а вы точно наш новый учитель истории?

– У кошки боли, у собачки боли, у Машеньки не боли...

– Доктор, а вы точно анестезиолог?

– Возьмёшь синюю таблетку – и история здесь закончится: ты проснёшься и поверишь в то, во что захочешь поверить. Возьмёшь красную таблетку – останешься в Стране Чудес, и я покажу тебе, насколько глубоко эта кроличья нора.

– А вы прикольный аптекарь! Мне, пожалуйста, цитрамон.

Возвращаясь к ключевым фразам речевых жанров, представляется важным, что по **типу инициальной реплики** (носителю коммуникативного стандарта, который в дальнейшем оказывается ложным) противопоставляются два основных типа: 1) **прецедентный текст** (паремия, фразеологизм) (т.е. конкретная, «материально-узнаваемая» языковая или речевая единица, часто апеллирующая к конкретному тексту и/или к конкретному автору):

– Хорошо там, где нас нет. В гостях хорошо, а дома лучше. Не ищи обетованные края – они там, где родина твоя. Нет в мире краше родины нашей. Где родился – там и сгодился!

– Я так понял, мой загранпаспорт ещё не готов?

– О, сколько нам открытий чудных...

– Петрович, не томи, открывай следующую бутылку!

2) инициальная фраза (вектор-ускорение) **речевого жанра** (опознавание по «чистой форме»):

– Девушка, вам никто не говорил, что у вас пронзительно-проницательные глаза!

– Ага, просвечивающие насквозь, чего только не говорили! Молодой человек, проезд оплачиваем!

– Мне с собой, пожалуйста.

– Вообще-то вы на экзамене. На билет отвечайте.

Принципиальной разницы между ними анекдоты, в отличие от лингвистов-теоретиков, «не видят»: это безусловно один и тот же тип анекдота. Этот факт представляется нам весьма знаменательным в свете рассматриваемой нами проблемы.

Сейчас этот параграф выглядит как всего лишь веселая иллюстрация к сказанному выше. Но, возможно, более детальный анализ новых двухрепликовых интернет-анекдотов, обыгрывающих коммуникативную тональность, даст некоторые более интересные результаты – например, анализ зачиновых фраз анекдотов поможет уточнить

список ключевых фраз РЖ, а ответных реплик – некоторые более тонкие моменты их семантики и прагматики.

Заключение

Как видим, поставленная в начале статьи проблема жанроведения, изначально возникшая из чисто практических потребностей (фактически это были технические параметры поиска, осуществляемого человеком-исследователем при работе с механическим онлайн-корпусом), имеет и важный теоретический аспект, пересекающийся с общей теоретической проблемой природы РЖ, механизмов их обнаружения и порождения (см. приводившиеся ключевые фразы *флирта*), условий бытования в реальной коммуникации, особенно в письменной официально-деловой: там не только идентификация жанра, но и само его существование часто определяются наличием / отсутствием ряда шаблонных фраз (см. упоминавшегося С. П. Кушнерука [52]).

Задачи, возникающие в процессе корпусного анализа (а также трудности, возникающие при решении конкретных задач), во многом совпадают с трудностями практического характера, которые традиционно возникали и решались как в «докорпусном жанроведении», так и в повседневной речевой практике: как обнаружить жанр X в речевом потоке? Где его границы? Имеем мы (условное «мы»: это могут быть и собеседники, и наблюдатели, в том числе исследователи) разные разновидности одного и того же жанра или разные жанры? и т.д. Понятно, что для ответа на эти вопросы должны быть решены (собственно, и решались – правда, едва ли вполне последовательно и успешно) проблемы теоретического характера: на основании каких признаков осуществляется идентификация жанров (например жанра X) в речи? Какие лингвистические единицы – структурные компоненты жанра – составляют эти признаки (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические, стилистические)? Эти признаки / структурные единицы жанра одни и те же для данного жанра во всех его проявлениях и разновидностях или могут быть (или даже должны быть) разные для разных ситуаций / сфер?

Дальнейшие направления исследований могут быть связаны, с одной стороны, с выявлением конкретных ключевых фраз для конкретных жанров различных типов и их апробированием на материале корпусов.

Это направление наиболее очевидно, два его главных практических результата (конечно, в идеале) – систематизация корпусных данных и дополнение данным (важным) пунктом соответствующих описаний жанров в энциклопедиях РЖ (тоже будущих).

С другой стороны, последовательное решение поставленных задач и практического, и теоретического характера предполагает выявление в жанровом и околожанровом пространстве других феноменов, которые имеют онтологическую близость с ключевыми фразами (и корпусами), соответственно работа в обозначенном направлении может помочь пролить некоторый свет на данные феномены – например, вкратце рассмотренные здесь шутки и анекдоты, обыгрывающие неправильную интерпретацию коммуникативной тональности. Конечно, таких феноменов может быть гораздо больше. Систематическое выявление и анализ их – дело будущего; приведем лишь несколько примеров: поиск на сайте газеты статей разных жанров, например серьезных и юмористических, если авторами самого сайта такое деление не было осуществлено и в распоряжении исследователя есть только слово или фраза, которые можно задавать в поисковой строке; или использование в качестве замены имени жанра прецедентного текста (аллюзии к произведению или «крылатой ситуации»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Корпусная лингвистика // Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 112–137.
2. Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34). С. 7–24.
3. Плузьян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
4. Плузьян В. А., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка: опыт создания корпусов текстов современного русского языка // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика–2004» / под ред. Л. Н. Беляева и др. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 216–238.
5. Рахилина Е. В. Корпус как творческий проект // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 7–26.
6. Савчук С. О. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 62–88.

7. *Integrum* : точные методы и гуманитарные науки / ред. Г. Никипорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. С. 50–76.
8. *McEnery T., Wilson A.* Corpus Linguistics. 2-nd ed. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001.
9. *Baker P., Hardie A., McEnery T.* A glossary of corpus linguistics. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 187 p.
10. *Dialogue Studies*. Vol. 21. Variation and Change in Spoken and Written Discourse : Perspectives from corpus linguistics / Eds. J. Bamford, S. Cavalieri, G. Diani. John Benjamins Publishing Company, 2013. 290 p.
11. *Cheng W.* Exploring Corpus Linguistics : Language in Action. Routledge, 2011. 241 p.
12. *Corpus Linguistics 25 Years on* / ed. by R. Facchinetti. Rodopi, 2007. 385 p.
13. *Lüdeling A., Kytö M.* Corpus Linguistics. An International Handbook. Walter de Gruyter, 2009. 1402 p.
14. *McEnery T., Hardie A.* Corpus Linguistics : Method, Theory and Practice. Cambridge University Press, 2012. 312 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).
15. *O'Keefe A., McCarthy M.* The Routledge Handbook of Corpus Linguistics. Routledge, 2010. 682 p.
16. *Rühlemann C.* Narrative in English Conversation : A Corpus Analysis of Storytelling. Cambridge University Press, 2014. 304 p. (Studies in English Language).
17. *Stenstrom A.-B.* et al. Trends in Teenage Talk : Corpus Compilation, Analysis and Findings. John Benjamins, 2002. 228 p. (Studies in Corpus Linguistics).
18. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
19. *Кремшюкалова М. Ч.* Когнитивно-дискурсивная модель малых жанров устной речи (на материале благопожеланий и проклятий) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2014.
20. *Дехган Халили Можеде.* Речевой жанр «просьба» в современной русской коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
21. *Оскольская С. А.* Корпус письменных текстов XIX века : сферы употребления и жанровое разнообразие // Национальный корпус русского языка : 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 46–51.
22. *Балашова Е. Ю.* Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2015.
23. *Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В.* Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. 2015. №3(53). С. 182–191.
24. *Дементьев В. В.* Жанрово-ролевые сценки : обоснование подхода к составлению энциклопедии речевых жанров // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2008. Вып. 6. С. 95–109.
25. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–98.
26. *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот : текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (Studia philologica. Series minor)
27. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
28. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
29. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
30. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.
31. *Гольдин В. Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 23–34.
32. *Дементьев В. В.* Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 5–20.
33. *Аллатов В. М.* История лингвистических учений. М. : Языки славянской культуры, 2001.
34. *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М. : Едиториал УРСС, 2010.
35. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград : Перемена, 2007.
36. *Дементьев В. В.* Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. Саратов, 2015. №2(12). С. 9–26.
37. *Седов К. Ф.* Жанры «праздноречевой» коммуникации : болтовня, светская беседа, разговор по душам // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 6. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 85–97.
38. Антология речевых жанров : повседневная коммуникация / Под ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
39. *Фенина В. В.* Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
40. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
41. *Шарифуллин Б. Я.* Коммуникативные стратегии и тактики инвективы : семейный скандал // Языковая ситуация в России начала XXI века : материалы международного науч. конф. Кемерово : КемГУ, 2002. Т. 2. С. 266–276.
42. *Коляян Д. Л.* Ухаживание как тип коммуникативного поведения : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
43. *Mustajoki A.* The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian // *Integrum* : точные методы и гуманитарные науки / ред. Г. Никипорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. С. 50–76.
44. *Holsti O. R.* Content analysis for the social sciences and humanities. Reading, Mass, etc., 1969.
45. *Krippendorff K.* Content Analysis : An Introduction to Its Methodology. Newbury Park, CA : Sage, 1980.
46. *Rosenberg S. D., Schurr P. P., Oxman T. E.* Content analysis : A comparison of manual and computerized

systems // *Journal of Personality Assessment*. 1990. № 54. P. 298–310.

47. Weber R. P. *Basic Content Analysis*. 2-nd ed. Newbury Park, CA, 1990.

48. Пешёв М. Контент-анализ и теория дискурса // *Квадратура смысла*. М. : Прогресс, 1999. С. 302–336.

49. Почепцов Г. Г. *Теория коммуникации*. М. : Рефл-бук, 2001.

50. Шалак В. И. *Современный контент-анализ*. М. : Омега-А, 2004. 272 с.

51. Скаличка В. К вопросу о типологии // *Вопросы языкознания*. 1966. № 4. С. 22–30.

52. Кушнерук С. П. *Теория современного документного текста: дис. ... д-ра филол. наук*. Волгоград, 2008.

53. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики* / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

54. Меликян В. Ю. *Словарь : Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. М. : Флинта ; Наука, 2001. 240 с.

55. Балакай А. Г. *Словарь русского речевого этикета*. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

56. Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. СПб. : Норинт, 2004. 768 с.

57. Дементьев В. В. К составлению словаря фатически-регулятивных синтаксических фразеологизмов // *Языковая личность : социолингвистические и мотивные аспекты*. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 35–42.

58. Дементьев В. В. Об одном способе концептуализации жанра «разговор по душам» в русской речи // *Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал*. 2011. №4.

59. Багдасарян Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // *Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева*. Вып. 3. Саратов : Колледж, 2002. С. 240–245.

60. Карасик В. И. *Коммуникативная тональность // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева*. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 81–94.

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. *Vvedeniye v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to the applied linguistics]. Moscow, 2003, pp. 112–137.

2. Kopotev M., Mustayoki A. *Sovremennaya korpusnaya rusistika* [Modern corpus Russistics]. *Instrumentariy rusistiki: korpusnyye podkhody* [Instrumentation of Russistics: corpus approaches]. Helsinki, 2008. (Slavica Helsingiensia, no. 34), pp. 7–24.

3. Plungyan V. A. *Zachem nuzhen Natsional'nyy korpus russkogo yazyka? Neformal'noye vvedeniye* [Why the Russian National Corpus is needed? Informal introduction]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [Russian National Corpus: 2003–2005]. Moscow, 2005, pp. 6–20.

4. Plungyan V. A., Sichinava D. V. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: opyt sozdaniya korpusov tekstov*

sovremennogo russkogo yazyka [Russian National Corpus: the experience of creating a corpus of modern Russian language texts. Eds. L. N. Belyayeva et al.]. *Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaya lingvistika–2004»* [Proceedings of the international conference «Corpus Linguistics 2004»]. St.-Petersburg, 2004, pp. 216–238.

5. Rakhilina Ye. V. *Korpus kak tvorcheskiy proyekt* [The Corpus as a creative project]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St.-Petersburg, 2009, pp. 7–26.

6. Savchuk S. O. *Metatekstovaya razmetka v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka: bazovyye printsipy i osnovnyye funktsii* [Metatext markup in the Russian National Corpus: basic principles and the basic functions]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. Results and prospects]. Moscow, 2009, pp. 62–88.

7. *Integrum: tochnyye metody i gumanitarnyye nauki* [Integrum: exact methods and human sciences]. G. Nikiporets-Takigava (ed.). Moscow, 2006. Pp. 50–76.

8. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics*. 2-nd ed. Edinburgh, 2001.

9. Baker P., Hardie A., McEnery T. *A glossary of corpus linguistics*. Edinburgh, 2006. 187 p.

10. *Dialogue Studies*. Vol. 21. *Variation and Change in Spoken and Written Discourse: Perspectives from corpus linguistics*. Eds. J. Bamford, S. Cavalieri, G. Diani. 2013. 290 p.

11. Cheng W. *Exploring Corpus Linguistics: Language in Action*. Routledge, 2011. 241 p.

12. *Corpus Linguistics 25 Years on*. Ed. by R. Facchinetti. Rodopi, 2007. 385 p.

13. Lüdeling A., Kytö M. *Corpus Linguistics. An International Handbook*. Walter de Gruyter, 2009. 1402 p.

14. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, 2012. 312 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).

15. O'Keeffe A., McCarthy M. *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. Routledge, 2010. 682 p.

16. Rühlemann C. *Narrative in English Conversation: A Corpus Analysis of Storytelling*. Cambridge, 2014. 304 p. (Studies in English Language).

17. Stenstrom A.-B. et al. *Trends in Teenage Talk: Corpus Compilation, Analysis and Findings*. John Benjamins, 2002. 228 p. (Studies in Corpus Linguistics).

18. Fedosyuk M. Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1997, no. 5, pp. 102–120.

19. Kremshokalova M. Ch. *Kognitivno-diskursivnaya model' malykh zhanrov ustnoy rechi (na materiale blagopozhelaniy i proklyatiy)* [Cognitive-discursive model of the small genre of oral speech (on a material of good wishes and curses). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Nal'chik, 2014.

20. Dekhgan Khalili Mozhe. *Rechevoy zhanr «pros'ba» v sovremennoy russkoy kommunikatsii* [Speech genre «please» in modern Russian Communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2015.

21. Oskol'skaya S. A. *Korpus pis'mennykh tekstov XIX veka: sfery upotrebleniya i zhanrovoye raznoobrazie* [The corpus of written texts of the XIX century: the scope

of use and variety of genres]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. -Petersburg, 2009, pp. 46–51.

22. Balashova Ye. Yu. *Rol' teleonomnykh kontseptual'nykh poley v organizatsii religioznogo diskursa* [Role of teleonomic conceptual fields in the organization of religious discourse: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2015.

23. Yaroslavtseva Ya. A., Dubrovskaya T. V. *Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v zhanrakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i SSHA)* [Constructing international relations in genres of foreign policy discourse (based on Russian and American data)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, no. 3 (53), pp. 182–191.

24. Dementyev V. V. *Zhanrovo-rolevyye stsenki: obosnovaniye podkhoda k sostavleniyu entsiklopedii rechevykh zhanrov* [Genre-role scenes: an approach to compiling an encyclopedia of speech genres]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of text in academic and media discourse]. Iss. 6. Oryol, 2008, pp. 95–109.

25. Shmeleva T. V. *Model rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.

26. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot. Tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote. Text and speech genre]. Moscow, 2002. 144 p.

27. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

28. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi* [«Speech genre» theory and actual processes in contemporary speaking]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 2015, no. 6, pp. 78–107.

29. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy v 7 tomah* [Collected works in 7 volumes. Vol. 5]. Moscow, 1996, pp. 159–206.

30. Rogachova N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The structure and functioning of the internet-communication secondary speech genres. Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2011. 252 p.

31. Goldin V. E. *Imena rechevykh sobytiy, postupkov i zhanry russkoy rechi* [Names of speech events, of speech deeds, and of genres of Russian speech]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 23–34.

32. Dementyev V. V. *Aspekty problemy «zhanr i kul'tura»* [Aspects of the problem «Genre and culture»]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 5–20.

33. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of Linguistic Studies]. Moscow, 2001. 367 p.

34. Sheffer Zh.-M. *Chto takoye literaturnyy zhanr?* [What is a literary genre?]. Moscow, 2010.

35. Bobyрева Ye. V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: values, genres, strategy: based

on the Orthodox Faith. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2007. 40 p.

36. Dementyev V. V. *Intertekstual'nyy aspekt rechevykh zhanrov* [Intertextual aspect of speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2(12), pp. 9–26.

37. Sedov K. F. *Zhanry «prazdnorechevoy» kommunikatsii: boltovnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham* [Genres of «free-speech» phatic communication: boltovnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of verbal communication]. Iss. 6. Saratov, 2006, pp. 85–97.

38. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication. Ed. by K. F. Sedov]. Moscow, 2007. 320 p.

39. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* [Speech genres «small talk» and «svetskaya beseda» in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 20 p.

40. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, 2006. 376 p.

41. Sharifullin B. Ya. *Kommunikativnyye strategii i taktiki invektivny: semeynyy skandal* [Communicative strategy and tactics of invective: family scandal]. *Yazykovaya situatsiya v Rossii nachala XXI veka* [The language situation in Russia at the beginning of the XXI century]. Vol. 2. Kemerovo, 2002, pp. 266–276.

42. Koloyan D. L. *Ukhazhivaniye kak tip kommunikativnogo povedeniya* [Courtship as a type of communicative behavior: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2006.

48. Peshë M. *Kontent-analiz i teoriya diskursa* [Content analysis and discourse theory]. *Kvadratura smysla* [Quadrature of meaning]. Moscow, 1999, pp. 302–336.

49. Pocheptsov G. G. *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Moscow, 2001.

50. Shalak V. I. *Sovremennyy kontent-analiz* [Contemporary content analysis]. Moscow, 2004. 272 p.

51. Skalička V. K. *Voprosu o tipologii* [On the issue of the typology]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 1966, no. 4, pp. 22–30.

52. Kushneruk S. P. *Teoriya sovremennogo dokumentnogo teksta* [The theory of modern document text: Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2008.

53. *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki* [Dictionary, and the Thesaurus of Modern Russian idiomatics. Eds. A. N. Baranov, D. O. Dobrovolskiy]. Moscow, 2007. 1135 p.

54. Melikyan V. Yu. *Slovar': Emotsional'no-ekspressivnyye oboroty zhivoy rechi* [Dictionary: Emotionally expressive units of live speech]. Moscow, 2001. 240 p.

55. Balakay A. G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, 2001. 672 p.

56. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Great Dictionary of Russian conversational expressive speech]. St.-Petersburg, 2004. 768 p.

57. Dementyev V. V. *K sostavleniyu slovary fatich-eski-regulyativnykh sintaksicheskikh frazeologizmov* [By compiling a dictionary of phatic-regulatory syntactic phraseologisms]. *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskiye*

i emotivnyye aspekty [Language person: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd; Saratov, 1998, pp. 35–42.

58. Dementyev V. V. Ob odnom sposobe kontseptualizatsii zhanra «razgovor po dusham» v russkoy rechi [A method of conceptualizing the genre of «razgovor po dusham» in the Russian speech]. *Grani poznaniya* [Edges of knowledge]. 2011, no 4.

59. Bagdasaryan T. O. Tonal'nost' kak komponent modeli rechevogo zhanra (na materiale rechevogo zhanra

«ugroza») [Tonality as a components of a model of speech genre (based on the speech genre «threat»)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 240–245.

60. Karasik V. I. Kommunikativnaya tonal'nost' [Communicative tonality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

Статья поступила в редакцию 11.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусная генристика: проблема ключевых фраз // Жанры речи. 2016. №1. С. 24–41. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41.

FOR CITING

Dementyev V. V., Stepanova N. B. Corpus genristics: a problem of key phrases. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 24–41. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41. (in Russian).